

КСЕНОФОБИЯ КАК ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ВРАЖДЫ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ (ЛИНГВОГЕРМЕНЕВТИКА ФЕНОМЕНА)

© Волков В.В.*

Тверской государственной университет, г. Тверь

В контексте задач лингвистической судебной экспертизы материала экстремистской направленности рассматриваются лингвистические и общегуманитарные понятия, необходимые для производства такого лингвоюридического исследования (*ксенофобия, интенциональность, пафос, прагмалингвистика* и др.).

Ключевые слова: ксенофобия, юридическая лингвистика, судебная экспертиза, экстремизм, интенциональность, пафос.

В современном русском языке фиксируется значительный рост ксенофобных именовании лиц по различным основаниям – национальным и социальным [6], по сексуальной ориентации [7], по месту жительства (например, по параметру «столица – провинция»), по профессиональной принадлежности и т.д., которые нередко используются в устных и письменных текстах, содержащих признаки экстремистских материалов и в силу этого оказывающихся объектом лингвоюридического исследования. Поскольку такое исследование по необходимости требует сопоставления правового и обиходного прочтений семантики и эмоционально-стилистических особенностей опорных лексем, возникает необходимость в специальных герменевтических процедурах [8], нацеленных на выявление интенциональности («направленности») текста, прагмастилистических особенностей «языковой личности» [5] его автора.

В рамках лингвистической судебной экспертизы филолог не использует принятые в юридической практике понятия «мотив» и «намерение», опирается на соотносительные квазисинонимические лингвистические термины *пафос* и *интенциональность*, которые фиксируют сущность контент-анализа (анализа содержания текста), нацеленного на выявление авторского замысла и целевых установок.

Пафос – преимущественно литературоведческий термин, из др.-гр. *pathos* в прямом значении ‘несчастье, страдание’ и последующем переносном ‘чувство, страсть’; в современной филологической терминологии – «душевный подъем, воодушевление, связанные с прокламируемой идеей». В школьной практике это понятие обычно перифразируется в выражениях

* Профессор кафедры Русского языка, доктор филологических наук, профессор.

типа *что хотел сказать / имел в виду автор*, ориентирует на субъективно мотивированный поиск тех «воодушевляющих идей / чувств / намерений», которые представляются читателю существенными.

Интенциональность – преимущественно лингвистический термин, из лат. *intentio* в прямом значении ‘напряжение, усилие’ и последующем переносном ‘намерение, замысел’, основное понятия *прагмалингвистики* (лингвистической прагматики, теории речевых актов).

Прагмалингвистика, или лингвистическая *прагматика*, – из др.-гр. *pragmaticos* ‘способный к делам, деловой, дельный’, образованного от существительного *pragma* ‘дело (что сделано, что делается, что нужно сделать); обстоятельства, положение дел’ (родственные слова: *прагматизм, практика*) – дисциплина, изучающая «интенциональность в действии», в конкретной речевой ситуации, включающей говорящего / пишущего и его цели, слушающего / читающего и его реакции, языковые средства в их соотносительности с целями говорящего и реакциями слушающего, а также различные другие обстоятельства, связанные с ситуацией речи (наличие «третьих лиц», место и время общения, основания общения и др.).

В отличие от *пафоса*, *интенциональность* текста (а следовательно, и его автора) проявляется в отчетливых языковых признаках, что позволяет достигнуть необходимой объективности судебно-лингвистического исследования.

Наиболее известные примеры интенциональности – различные ситуации речевого этикета и связанные с ними стандартизованные формулы общения: приветствие (*Здравствуйте*), прощание (*До свидания*), комплимент (*Вы сегодня замечательно выглядите*), соболезнование (*Позвольте выразить вам свои соболезнования*) и т.п. В каждой из таких ситуаций, разумеется, могут использоваться различные формулы этикета – в зависимости от взаимоотношений между коммуникантами, времени, специфических условий общения и т.д.

Интенция *вражды* может реализоваться в самых разнообразных сферах и условиях общения – устного и письменного, частного и публичного. Являясь средством направленного выражения эмоций, она входит в число *эмоциональных* интенций (также как интенции симпатии или любви, одобрения или негодования), нацеленных, с одной стороны, на выражение эмоций говорящего / пишущего, с другой стороны, на «заражение» соответствующие эмоциями слушающего / читающего, на побуждение его к переживанию аналогичных эмоций.

В отличие от «этикетных», эмоциональные интенции в лингвистике изучены недостаточно; основательно рассмотрены лишь лексические средства выражения эмоций и наиболее известные эмоциональные концепты (особенно *любовь*), которым посвящена обширная научная литература [напр., 2, 16]. Основная причина – в диффузности, «размытости» содержания даже основных эмоций человека, которые, при интуитивной очевидности, с большим

трудом поддаются последовательному эксплицитному описанию. По данным одного из наиболее авторитетных в психологии эмоций источников [14], фундаментальные эмоции носят комплексный характер, в силу чего их приходится обозначать не каким-либо одним привычным для обихода словом, но двумя и более словами (композиатами, словесными комплексами): *интерес-волнение, удовольствие-радость, отвращение-омерзение, презрение-пренебрежение* и др. Последние две из названных эмоций непосредственно связаны с интенцией вражды, находят филологическое отображение в таких словарных пометах, как «презрительное», «пренебрежительное», «бранное» и т.п., которые служат объективным доказательством наличия в тексте соответствующих эмоциональных интенций.

Гнев, отвращение, презрение могут результировать во *вражду* и связанную с ней неявную внутреннюю и явную внешнюю *агрессию* (подробно об этом: [14, с. 290-312]). *Агрессивность* может трактоваться как один из параметров дифференциации вражды и ненависти, которые в статье 282 УК РФ специально не разграничиваются, а в академических словарях русского языка толкуются одно через другое, то есть находятся в отношениях взаимоопределяемости, ср.: «**Вражда**... Отношения и действия, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью. *Непримиримая вражда. Религиозная, национальная вражда. Питать вражду к кому-л.*»; «**Ненависть**... Чувство сильнейшей вражды, неприязни. *Испытывать ненависть к кому-, чему-л.*» [19, с. 156, 628]. Смысловое различие между ними усматривается по параметру интенсивности, а именно: ненависть – это *сильнейшая* вражда. Следовательно, *вражду* можно считать и именовать (с различными субъективными оговорками) *ненавистью*, и напротив: *ненависть* можно считать и именовать *враждой*. «Субъективная оговорка», связанная с возможностью разграничить понятия ненависти и вражды, может основываться на цитированном выше толковании вражды как «отношений и действий, проникнутых *неприязнью*». *Неприязнь*, по словарному толкованию, – это «недружелюбное, недоброжелательное чувство к кому-, чему-л.; нерасположение» [19, с. 636], которое в частном случае может быть обусловлено ксенофобными установками личности.

В силу прозрачности синхронной внутренней формы семантические этимоны существительного *ксенофобия* представляются на первый взгляд совершенно очевидными: по непосредственному восприятию носителей русского языка, *ксенофобия* складывается из др.-гр. *xenos* – прилагательного (в значении ‘чужой; чужеземный; необыкновенный, неслыханный, странный’ [4, с. 857-858; 11, т. 2, с. 1146]) или омонимичного существительного (‘чужеземец (в отличие от гражданина)’ [4, с. 857]) + ... *фобия* (из гр. *phobos* ‘страх, ужас, боязнь’ [11, т. 2, с. 1739]) в значении «боязнь (враждебность, нетерпимость, непереносимость и т.п.) того, что названо в первой части слова»; таким образом, суммарное значение сущ. *ксенофобия*, явствующее из его синхронной внутренней формы, – «боязнь чужого, странного (челове-

ка)», «страх перед чужеземным». Однако этимология этого существительного не столь проста и в своей неоднозначности весьма поучительна, равно как и современная динамика его семантической эволюции.

Во-первых, сущ. *ксенофобия* – западноевропейское, а не древнегреческое образование, причем из французского первоисточника вошла в русское языковое сознание и в русский речевой обиход *ксенофобия* (из фр. *xénophobie* ‘ненависть к иностранцам’ [9, с. 1170]), в то время как антонимичное сущ. «ксенофилия» (фр. *xénophilie* ‘любовь, симпатия к иностранцам’ [9, с. 1170]) в русском словоупотреблении не представлено, – наличествуют лишь семантически смежные видовые именованья *англоман* и *англомания*, *галломан* и *галломания*, *англофил* и *германофил* и под., причем эти именованья фиксируют вовсе не «любовь к немцам, французам и т.п.», а «пристрастие к английскому образу жизни, обычаям и т.п.» [19, с. 39], «пристрастие ко всему французскому, слепое преклонение перед ним» [24, с. 143], пристрастие «ко всему немецкому» [24, с. 148] и т.п.

Во-вторых, в семантике др.-гр. сущ. *xenos* энантиосемически соединяются конверсивные значения ‘гость’ и ‘гостеприимец (хозяин)’, наличествует весьма значимый лингвокультурный фон с общим значением «доброжелательное единящее гостеприимство», ср., напр., пояснение А.Д. Вейсмана к семантике этого существительного: «По древнему обычаю граждане, принадлежавшие к разным государствам или странам, заключали между собою союз, по которому взаимно обязывались оказывать друг другу гостеприимство. Этот союз домашний переходил и к детям их. Заключившие подобный союз назывались *xenoi*. Оттого *xenos* означает и того, который пользуется гостеприимством, и того, который оказывает гостеприимство» [4, с. 857].

Русское сущ. *ксенофобия* усвоило из др.-гр. *xenos* лишь первый из энантиосемичных компонентов, причем в условиях негативного в коннотативном отношении семантического сужения (не просто «гость», а именно «чужой», а следовательно, потенциально враждебно настроенный, опасный), и последовательно расширяет его до пределов, стремящихся к «дурной бесконечности»: ныне *ксенофобия* – это не только «страх перед другим человеком, иностранцем», но и «навязчивый страх перед чужим, чем-то *незнакомым вообще* (незнакомой культурой, другой религией, новыми идеями и т.п.)», и даже страх перед «другим» (*человеком*) – соплеменником по родному языку и гражданству, но отличающимся в социальном, культурном, психологическом и т.п. отношении. Современные словарные толкования *ксенофобии*, с одной стороны, фиксируют *ксенофобию* уже как психическую девиацию или даже как болезнь, а с другой стороны, отражают последовательное расширение как сигнификативной, так и денотативно-референциальной семантики сущ. *ксенофобия*, тяготеющей к пределу «чужое, а значит чуждое и потенциально опасное – всё, что не своё», ср.: «1. Болезненный, навязчивый страх перед неизвестными лицами. 2. Ненависть, нетерпимость

к чему-н. чужому, незнакомому, иностранному» [24, с. 386]; «1. Мед. Болзненное состояние, проявляющееся в навязчивом страхе перед незнакомыми людьми; боязнь высоты. 2. Ненависть, неприятие, нетерпение к кому-, чему-л. незнакомому, чужому» [19, с. 477].

Показательно, что оба цитированных современных филологических толкования второго значения *ксенофобии* отчетливо перекликаются в словарных идентификаторах «ненависть», «нетерпимость / нетерпение» с названием статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» [см.: 26]), дальнейший текст которой четко фиксирует основные аспекты ксенофобии, ср.: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам *пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе...*» (курсив мой. – В.В.). Как видим, помимо *расизма* и *национализма*, как наиболее очевидных проявлений ксенофобии, речь в цитированной статье УК идет также о *гендерной, языковой* (лингвистической), *религиозной* и *социальной* ксенофобии.

Как известно, содержание и объем понятия находятся в обратно пропорциональной зависимости: чем шире содержание, тем уже объем, и наоборот. К примеру, *религиозная ксенофобия*, как видовое понятие, шире по содержанию, но уже по объему, чем «просто» ксенофобия. Однако по мере видового расширения содержания понятия «ксенофобия» последовательно расширяется и его объем, включая всё новые и новые группы объектов.

Совсем недавно к числу ксенофобных оскорбительных именовании в юридической лингвистике было принято относить только «брань, оскорбляющую чужую нацию», ср.: «... стоит назвать оскорбительные ксенофобские прозвища и клички, т.е. брань, оскорбляющую чужую нацию. В русскоязычной практике это прежде всего “жид”, “чурка”, “черный”, “армяшка” и другие. В наше время обострившихся межнациональных конфликтов именно эта группа оскорблений заслуживает самого пристального внимания юристов как разжигающая межнациональную рознь» [13, с. 297]. Ксенофобные именовании такого типа имеют давнюю историю, связанную, в частности, с воровским и тюремным жаргоном – «феней», где, например, *чурка* – не только «азиат, кавказец», но и «умственно отсталый человек», а «смуглый, чернявый человек (напр., азиат, кавказец)» именуется как *черножопый, черножопик* [22, с. 283, 279]; некогда обиходно-нейтральное *жид*, свободно использовавшееся, в частности, в русской классической литературе в целях именовании лиц еврейской национальности и / или иудейского вероисповедания, на протяжении последнего столетия обретает все более яркую негативную окраску, что фиксируется и словарями, ср., например: «**Жид**, а, м. (дореволюц.). 1. В устах антисемитов – еврей (презрит.). 2. перен. В кругах

антисемитов – скряга (простореч. бран.). [Первонач. не имело презрит. или бран. оттенка, но впоследствии стало ходовым шовинистическим обозначением еврея и приобрело черносотенно-погромный характер]» [25, т. 1, с. 868]; «**Жид**, Устар. прост. Презрительное название еврея || Перен. Бранно. О скряге, скупце...» [21, т. 4, с. 130–131]; «**Жид**, 1. *Разг. устар.* То же, что еврей... 2. *Груб. прост.* Презрительно, бранное название еврея» [20, т. 1, с. 483]; «**Жид**, *Разг. Уничиж.* Презрительное, бранное название еврея. *Все народы, населяющие Союз, имеют в разговорном русском пренебрежительные клички: “чурки”, “хохлы”, “чучмеки”, “жиды”.* Собеседник. 1991, 6» [23, с. 228]. Коннотативная энантиосемия фиксируется лишь в сопоставлении с жаргоном заключенных, ср.: «**Жид**, *Арест. Одобр.* Умный заключенный» [18, с. 183].

Лингвоюридическая оценка ксенофобных словоупотреблений такого рода не представляет сколько-нибудь существенных трудностей (в отличие от трудностей специально юридических [см. об этом: 10]), – прежде всего потому, что практически каждое многократно фиксировано в академических словарных изданиях различного типа.

Значительно сложнее для юридической лингвистики обстоит дело в ситуациях, когда необходимо рассматривать такие ксенофобные призывы экстремистской направленности, семантически индуцированные «образом врага», которые не включают прямых ксенофобных именовании по национальности, типа «*Кто не с нами – всем сосать!*», «*Косые ублюдки вон!*», «*Нет сионистскому правительству*» (примеры из статьи: [15]). Авторами таких граффити-лозунгов, несмотря на то что они, вероятнее всего, достаточно молодые люди, наверняка движет инерция «застойных» времен: по удачной политологической характеристике этой инерции, «здесь и героизация тотальной и ежеминутной борьбы с “классовым врагом”, и повальная охота за “врагами народа”, и абсолютизация различий и противоречий между общественными системами, и сомнительно звучавшие прогнозы типа “мы вас закопаем”, и одержимость секретностью и ксенофобией, и беспробудная “монотонность”...» [17, с. 29].

Основная трудность лингвоюридического анализа высказываний такого рода – диффузность, неопределенность объекта агрессивной социальной ненависти (нетерпимости), как, например, в случае с призывом «Убивай цветных иммигрантов». В качестве настенной надписи (граффити) данное высказывание оказывается адресованным самому широкому кругу потенциальных читателей, в силу чего может вызывать самые различные понятийные и эмоциональные реакции, а именно: понятийные реакции – «убивать» следует либо всех «цветных», либо всех «иммигрантов», либо только «цветных иммигрантов»; эмоциональные реакции – от полной поддержки лозунга до полного несогласия и негодования. При этом понятие «иммигрант» оказывается соотношенным с понятием «нерусский», что в условиях современной России – многонациональной страны, существующей как составная

часть на пространстве бывшего СССР, приводит к формированию крайне размытого, очень общего представления о «чужом вообще»: в качестве такого «чужого» может восприниматься, к примеру, и этнический русский «иммигрант» (*беженец, переселенец* [23, с. 385; и др.]) из ныне самостоятельной страны Узбекистана, и россиянин – этнический якут или калмык, осевший на жительство в Москве или Твери, и т.д.

С учетом сказанного, например, трудно не квалифицировать как экстремистский набор следующих якобы «объективных» данных, тиражируемых современными российскими ксенофобами: «С каждым месяцем растет сопротивление иммиграции со стороны коренных жителей!»; «54 % граждан России уверены в правоте лозунга “Россия для русских!”»; «59 % жителей России считают, что правительство должно ограничить приток иммигрантов в страну.

Так вроде бы нейтральное сущ. *иммигрант* оказывается в контексте «чувства тревоги в связи с участвовавшими в последнее время актами нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, антисемитизма, отчуждения, маргинализации и дискриминации по отношению к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, беженцам, рабочим-мигрантам, иммигрантам и социально наименее защищенным группам в обществах...» [12].

Источники тревоги – в склонности естественных для демократического общества различий во мнениях трансформироваться сначала в ксенофобно-нигилистическое неприятие чужого мнения, а затем в логику метонимического переноса – в агрессивное неприятие носителей этого мнения: от отдельных людей до огромных социальных, национальных, конфессиональных общностей. Остается один шаг до ненависти и вражды – до опасности перерастания «спора о мнениях» в терроризм и открытые вооруженные столкновения.

История нашей страны в этом отношении очень показательна. Припомним хрестоматийное восклицание: «Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, – говорил между тем Базаров, – подумаешь, сколько иностранных ... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны». Пока это «спор о мнениях». Однако припомним, что произошло далее – уже в реальной отечественной истории, а не в художественной литературе: неприятие *аристократизма* результировало в ненависть к *аристократии* и ее физическое уничтожение, неприятие *царизма* – в расстрел *императора* и его семьи, неприятие *религии* – в гонения на Церковь, истребление *священников* и т.д. Эти, как многие другие, нарицательные именованья лиц стали восприниматься в ксенофобическом ключе, именуемые лица – как «чужие», как «враги народа».

«Вся история русской интеллигенции подготовляла коммунизм, – справедливо утверждал Н.А. Бердяев. – Но наступил час ..., и весь строй души

народной перевернулся. Это типический процесс. Кротость и смиренность может перейти в свирепость и разъяренность» [3, с. 100, 102]. Современная *толерантность* тоже может в некий «час» трансформироваться в бессмысленное и беспощадное *взаимоистребление* «своими» – «чужих», «чужими» – «своих».

Современные ксенофобы в своих печатных материалах (в частности, в материалах, признанных экстремистскими по суду) называют множество самых разнообразных «чужих» – врагов, как нередко пишут, «Русского Народа». И это не только «жиды» или «чурки». Это «... евреи, армяне, грузины, цыгане, таджики, китайцы, прочие все», «иногородцы». Это «президент России», «прихожане и “священство”», «русскоязычные», «бандиты и паразиты с Кавказа, из Азии и Африки», «еврейские олигархи и орды кавказских спекулянтов-захребетников», «гастарбайтеры», «коммунисты и либералы» и т.д. – вплоть до «доморощенных шлюх, вступающих в половые связи с оккупантами», «правозащитников», «фрилтеров», «чиновников и милиционеро».

Даже если эти списки в печатных экстремистских материалах и не сопровождаются прямыми призывами типа «Раздавить гадов!», следует помнить: «Скрытым призывом является информация, подстрекающая к каким-либо действиям, целенаправленно формирующая у адресата желание действовать или чувство необходимости действий. Скрытый призыв нередко дает развернутую программу действий, к которым осуществляется подстрекательство, т.е. автор (в скрытой или явной форме) программирует поведение адресата речи» [1]. Любое именование лица в ксенофобном контексте – это именование будущей потенциальной жертвы экстремистов.

Список литературы:

1. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма [Электронный ресурс] // Уголовный процесс. – 2006. – № 4. – Режим доступа: http://www.ugpr.ru/arhiv/16_apr_2006/topic163_sudebno45_lingvisticheskaya_ekspertiza_po_kriminalnym_proyavleniyam_ekstremizma_.html.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 184 с.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / Репринт V-го изд. 1899 г. – М., 1991. – 1370 стлб.
5. Волков В.В. Основы филологии: антропоцентризм, языковая личность и прагмастистика текста: Курс лекций / Тверской госуниверситет. – Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. – 147 с.
6. Волков В.В. Проблема расширения сферы ксенофобных именовании лиц в юридической лингвистике // Этнические процессы в глобальном мире /

Санкт-Петербургский ин-т управления и права. – СПб.: Изд-во «Астерион», 2013. – С. 116-119.

7. Волков В.В. Гомосексуализм в современной России: лингвокультурологический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. – Тверь, 2013. – Вып. 32. – С. 168-173.

8. Волков В.В. Правовое и обиходное прочтения термина свобода совести в зеркале понятий «наука», «религия», «вера» (опыт герменевтического анализа) // Культура. Духовность. Общество. – 2014. – № 11. – С. 93-98.

9. Гак В., Триумф Ж. Французско-русский словарь активного типа. – М.: Рус. яз, 1998. – 1174 с.

10. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. – М.: Юридический Мир, 2006. – 96 с.

11. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2-х т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

12. Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.

13. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословии // Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М.: Медя, 2004. – С. 289-298.

14. Изард К. Эмоции человека. – Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 440 с.

15. Костерина И. О чем говорят стены: ксенофобские граффити в ландшафте российских городов [Электронный ресурс] // Демос: Центр содействия проведению исследований проблем гражданского общества. – Режим доступа: www.demos-center.ru/projects/5C8C556/AC78399/1205848868.

16. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.

17. Мельвиль А. Образ другого, образ врага // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1989. – С. 25-29.

18. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2001. – 720 с.

19. Новейший большой толковый словарь русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.

20. Словарь русского языка: в 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Рус. яз., 1981-1984.

21. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.

22. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. – М.: Края Москвы, 1992. – 526 с.

23. Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения. / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 701 с.

24. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

25. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935-1940.

26. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Кодексы и Законы РФ: правовая навигационная система. – Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/uk>.